

18+

В. К.

*Альбом для
стихов*

В. К.

Альбом для стихов

«Издательские решения»

В. К.

Альбом для стихов / В. К. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516358-5

Альбомы прежних веков нередко подписывались не полным именем его владельца или владелицы, а лишь инициалами. Так и эту книгу автор, следуя старинным традициям, обозначил лишь двумя начальными буквами своего имени и фамилии. Из стихотворения «Инициал», о картине безымянного художника: ...без имени, числа. Нимало Тщеславьем не был он палим. Зачем, подумалось, мы длим Густую мглу инициала? Неогласимы имена. Неразносима тайны залежь. Всего две буквы. И одна Из них намечена едва лишь...

ISBN 978-5-00-516358-5

© В. К.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Дыхание Леты	6
Часть 2	12
В деревянном переулке	12
Предместье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Альбом для стихов

В. К.

© В. К., 2020

ISBN 978-5-0051-6358-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Зелёный бархатный альбом с тиснением золотым
На книжном складе я нашёл, когда был молодым,
Я подрабатывал тогда разгрузкой книг, а там
Пылился с довоенных пор писчебумажный хлам:
Секретки, вкладыши, мужской мечтательный портрет
Во вкусе, вероятно, дам – тех, довоенных лет.
Альбом! Конечно же, альбом привлёк мой интерес!
Бумаги плотной желтизна, и розовый обрез.
И там же, в пыльной полумгле внезапно понял я —
В него впусти я только свет, свеченье бытия...
Я жил по-всякому, писал
Про то, что знал, любил,
Писал про то, что не любил... я про альбом забыл.
Он в дальнем ящике стола ждал много долгих лет,
И он дождался, – вспомнил я про тот смешной обет.
А может быть, и не смешной? А может быть, и я
Не только скрежет угадал, но пенье бытия?
И я собрал свои стихи и просмотрел на свет:
Вот эти, кажется, пойдут. А эти точно нет.
Пускай там все правдиво, пусть
мир низок.
Но в альбом
Поклялся я впустить лишь свет.
И я стою на том.
Какой альбом?!.
Зачем альбом?!.
Мир полон зла, грехов!
А здесь тиснение – «Альбом».
И ниже – «Для Стихов».

Часть 1. Дыхание Леты

Инициал

Лесок сбегал к реке. Откос
Чернел полоской, точно рама.
Таинственная монограмма
Темнела в золоте берёз.
Узорной киноварью жгла
Рябина буквицу опушки,
Витую литеру ствола
Раздвоенного у верхушки.
Бока ольхи чуть в стороне
Соседней буквы намечали
Овал. В берёзовом огне
Два тёмных вензеля стояли.
Волшбой и тайною дыша,
Была заполнена лишь светом
Картина, и в свеченье этом
Творца её жила душа —
Без имени, числа... нимало
Тщеславьем не был он палим...
Зачем – подумалось – мы длим
Густую мглу инициала?
Неогласимы имена,
Неразносима тайны залежь...
Всего две буквы. И одна
Из них намечена едва лишь.

Рондо

Уже светает. Тихо тает
Большая, пышная звезда,
И мгла прозрачно отлетает
В свои ночные города,
На сад прохлады оседает
И клумба инеем седа, —
Уже светает.
Какая смутная беда
Над этой женщиной витает,
Босой и зябнущей, когда
Она в тревоге припадает
К стеклу прохладному – «Да-да —
Твердя так безысходно —
Да,
Уже светает...»
А ночь уходит навсегда,
И слово ночи улетаёт
В свои ночные города.
Над кем оно теперь витает?
Туда ни спуска,

Ни следа...

Уже светает.

Дом-музей. Мураново.

В этом доме часы над камином.

Пахнет золотом, тленом и тмином,

Пахнет бархатом рытым и стёртым,

Пахнет временем битым и мёртвым.

В этом доме часы на столах.

На сервантах. Меж книг. В зеркалах.

Здесь так звёздно, так зыбко видна

Затонувшая в бездну страна.

В этом доме так много часов,

Что ни стрелка – ажурный засов,

За которым жужжанье шмелей,

Купидонов, медовых полей...

В этом доме не жили поэты.

Слишком близко дыхание Леты.

Здесь поэты могли умирать,

Но не жить и на лире играть.

Уверяют что жили. Бог весть.

Слишком много часов было здесь,

Слишком много пружин и часов,

Слишком много чужих голосов...

Страшный час. Мёртвый час. Ноль часов

В этом доме.

Веер

«О, бурь заснувших не буди,

Под ними хаос шевелится...»

Веер синий, тёмно-синий,

Как вечерняя прохлада:

Прорезь озарённых линий

В ночь развёрнутого сада...

Был шумящ, волнующ, ярк,

Приходил легко в движенье,

Бабкин свадебный подарок,

Женихово подношенье.

Тонким тленом задыхаясь,

Я займусь её «укладкой» —

Шевельнётся смутный хаос

Бурь, повитых дрёмой сладкой.

Там, на дне воспоминанья,

Не одно благодаренье,

Там с родной земли изгнанье,

Там чужбина, разоренье.

...пробужденный веет ветер,

Далью дышит неземною,

Что ты веешь, что ты веешь,

Что ты веешь надо мною?

Всё о доле той печальной,

О разоре, укоризне?..
День пресветлый, звон венчальный,
Дуновенье долгой жизни...
Несовпадение
(Ритурнель)
Детство.
Стою у корней и люблю на крону.
Листьев рукой не достать.
Остаётся мечтать:
Вырасту скоро, и шапку зелёную трону.
Юность.
Ветвящийся ствол набирается силы,
В звёздах колышет листы...
Что они, детства мечты?
Детство уже далеко. Еще незаметны могилы.
Зрелость.
Стою у ствола – меж корнями и кроной.
Выросли буквы в коре.
Дети шумят во дворе.
Лишь до корней далеко. Как и до шапки зеленой.

Колечко акротерцин

Пьянит пчёлу весенних трав настой,
Разыгрывает паренька девица,
Играет тучкой месяц молодой.
Какая проза дальше! – Опылиться,
Оформиться в тяжёлый полноцвет,
Схлестнувшись насмерть с тем, что жарко снится,
Но стынет наяву. И тает свет.
Один порыв к блеснувшему – вот чудо,
Вот пир предвосхищений и примет
Единственного здесь, чего остуда
Не тронула, вот чудо – трепетать,
И ждать подвохов тьмы, и вдруг оттуда
Его порыв навстречу угадать!

Секстет

Мы были так давно с тобой в разлуке
С тех пор, как познакомились с тобой,
Что я успел забыть родные руки,
Глаза твои, и голос нежный твой,
Грудные, чуть картавившие звуки,
Всё то, что я успел назвать судьбой.
Всё то, что я успел назвать судьбой,
Забылось, а не кануло в разлуке,
Я был за гранью памяти с тобой,
Мне голову кружили чьи-то звуки,
И тонкие к лицу тянулись руки,
И взгляд не отпускал забытый твой.
И взгляд не отпускал забытый твой,
И дни текли холодные в разлуке,

И тонкие, белеющие руки
Тянулись, словно ветви, над судьбой,
Туда, где были счастливы с тобой,
Где знал я, чьи гортанны были звуки.
Где знал я, чьи гортанны были звуки,
Судьба твоя была моей судьбой,
Переплелись мои с твоими руки,
Мой слух, и самый нежный голос твой,
Но я не знал, что будем мы в разлуке,
Ведь были в мире только мы с тобой.
Ведь были в мире только мы с тобой,
Не думал я о встрече, о разлуке,
Легко стояло солнце над судьбой...
Но эти нарастающие звуки,
Но этот долгий взгляд, быть может, твой,
Но эти тонкие, твои, быть может, руки!
Но эти тонкие, твои, быть может, руки,
И голос, может быть, уже не твой,
Который я забыл, и эти звуки
Я всё-таки зову своей судьбой,
Хотя с тех пор, как встретились с тобой,
Мы почему-то так давно в разлуке...

Сонет

Зноем жирной травы заморочена,
Ныла долгая точка слепня,
Словно так завелась червоточина
Среди белого времени дня.
И ещё не алела обочина,
И босая пылала ступня,
Тропка пыльная, в поле вколочена,
Билась узенькой жилкой огня.
Но тянулась тропинка неясная,
И одна сторона стала красная,
И коснулась ты красной земли.
Я ступил половинкою белою.
День распался, как яблоко спелое...
Мы в его сердцевину вошли.

Медальон.

Лозой увитое наклонно,
Ещё волнует письмецо,
Ещё лукавит с медальона
Полузабытое лицо...
И вот уже прогоны линий,
Глухой грохочущий вагон,
Бронесоставы-исполины
Уже пластаются в огонь,
В купе поручика гитара
Державным громом пропоёт,
В последний раз, крутнувшись яро,

На шпоре звякнет репейк,
В последний раз он бегло глянет
На ту лукавинку в лице,
И всё сплошной туман затянет...
И жизнь пройдет... чтобы в конце,
Подтянут, сух и независим,
Гость-эмигрант, отдав поклон,
Вручил старушке связку писем
И тот овальный медальон,
Чтоб головой качая белой,
Жизнь, невзирая ни на что,
Опять лукавила и пела
И обещала чёрт-те что.

В ночной роще

Как разряд светоносный, исторгнутый в ночь мирозданьем,
Как зелёная молния, блещущая через листву,
Соловьиный раскат, преломляясь в коленях, рыданьем
Напрягает пространство и долго волнует траву.
Чем ещё два волнения во тьме соловьиного лета,
Чем ещё два пространства влюблённые соединить?
От звезды до травы льётся нить серебристого света,
От луны до ручья золотая протянута нить.

Ф.И. ТЮТЧЕВ

Часть 2

В деревянном переулке

Страж

Звездой белой выстрелит в лицо
Черешня в деревянном переулке,
В резном доме, как в сказочной шкатулке,
Дверное закачается кольцо,
И древний кот, забывший о прогулке.
Возляжет мрачным сфинксом на крыльцо.
Здесь всё – его. Он не уступит дома.
Он пяди не отдаст, покуда жив,
Недоурчав и недоворожив,
Последний житель пушкинского тома.
Он охраняет призраки и тени,
Зрачком всех любопытствующих жжёт,
Он охраняет ветхие ступени.
Он пригород волшебный стережёт.
Он – осени угрюмый понятой...
А с гор уже весна сошла на речку,
Подкралась к деревянному крыльечку
И пустоцветом – пулей холостой —
В лицо пульнула... и дала осечку,
И разлетелась пылью золотой...

Предместье

(Книжка в Книге «Альбом для стихов»)

1.

Антоновкой пахло в саду, и апортом
В соседнем саду, а внизу, у воды
Прохладной малиной и мокрым забором,
В овраге полощущем клоч бороды.
Там сырость живёт и зелёная вата,
Там срублена яблоня в тёмном углу,
Там к яблоне мох подползал виновато
И вверх – на три пальца – проплыл по стволу.
Там дух запустенья... но к вечеру планку
В заборе раздвинут, в воде постоят
И воду – тугими рывками – по шлангу
Движком перетянут и сад напоят...
Хозяин живет в бороде и величьи,
Он любит по саду ходить в сапогах,
Не любит вывешивать знаки отличья
И любит сукно допотопных рубах.
Мы чай с ним под лампочкой пьем на веранде,
Он век говорить о соседях готов,
Он смотрит туда не антоновки ради,
А ради печальной хозяйки плодов.
Он вспомнит себя, он вдруг вспомнит солдата,
Вдруг вспомнит, смущаясь, ведь он не забыл,
Что сад его был мне соседним когда-то,
Не то чтобы мне, ну а всё-таки был,
Но он позабудет о странной соседке,
Он вспомнит иное совсем для меня,
Пока за оградой – в дому и в беседке —
Гасить перед сном не возьмутся огня.

4.

Ещё не ночь, и ещё гармоника
По переулкам не слышна.
Над слободкой, как бритва, – тоненькая,
Пыльная, пыльная луна.
И дорога пыльная, белая,
Под обрыв, под уклон, к садам.
Словно срезано, яблоко спелое
В пыль покатится по следам...
О какой же ещё там отраде?
Просто взять и прийти сюда,.
Прислониться спиной к ограде,
Руки вымыть водой из пруда.
Просто взять и увидеть зяблика,
Горсть испуганной ряски взять,
Просто запах спелого яблока,

Запах яблока рассказать.
Человеку живому и близкому
Показать эту жизнь сполна:
Дом в долине. Улочка низкая.
Дым над пригородом. Луна.
5.

...а потом поплыла паутина,
Повлеклась по ветвям, побрела
Вдоль калиток, клонясь,
и руина
Мёртвой осени сад облегла.
Только дыма не вывелся запах,
Только зелень доспела в пруду,
Только яблоко в тёмных каплях
Птичьих клювов осталось в саду...
До прожилок пронизан ветрами.
Синим блеском проколот в ночах,
Сад с большими, слепыми ветвями
Чёрных птиц закачал на плечах.
Сбились к дому деревья, поближе
К теплым стенам, и ходят вокруг,
И к окошкам склоняются ниже,
И суставы обмёрзшие трут.
К ним всё реже в калитку стучатся
И хозяйку не будят с утра,
И поёт вечерами всё чаще
За сараями сталь топора.

6.
Я с хозяином попрошаюсь,
На мостке через пруд покачаюсь,
Ещё раз отражусь в пруду,
И опять увижу над домом,
Над скворешней, над садом знакомым
В дымке дремлющую звезду.
А за речкой – ларьки, магазины...
И опустится с гор предзимье,
И останется за спиной
Сад с фигуркою незаметной...
И калитка с цепочкой медной
Заскрипит из травы за мной.

7.
Вдоль домов идёшь-бредёшь,
Смотришь башенки лепные,
Да карнизы навесные...
Ничего уже не ждёшь.
Вдруг, на дальней стороне,
Где-то, видимо, на кухне,
Спичка бледная в окне
Встрепенётся и потухнет.

А бывало-то, скажи,
И у нас с тобой горело,
Душу грело, чайник грело...
Сам ты чайник. Не блажи.
Продолжай-ка лучше врать,
Сочинять свои прогулки,
Завиралки запирать
В золотые закоулки —
Там светлеют купола,
Там дряхлеют тополя,
Там пенёк вечнозелёный
Двинул мох на флигеля.
Там есть флигель удивлённый,
Что не деньги три рубля,
Трижды рублennyй, палённый,
Тёмный, как сама земля.
Там прилгнуть не дадут.
Не простят.
Не предадут...
Удивительный пенёк! —
Всё тоской зелёной пухнет,
А в окошке огонёк
То погаснет, то потухнет...
Ослепительный денёк!

8.

В зелёном свете переулка
На кованом крюке фонарь
Дремуч, как дедова шкатулка,
Железами обитый ларь.
Здесь те же вёрсты и сажени.
Здесь пуд с аршином не забыт.
В кругах таинственных решений
Торжественно вершится быт.
...брусчатник полоснут две фары,
Взревёт мотор, и – тишина.
Века стоят здесь, как амбары
Тумана, пороха, зерна.
А если встретишь человека,
То он спешит наверняка,
И уклоняется от века
Косым крылом дождевика...

9.

Как ты там, в деревне зимней,
В тёплом доме у пруда?
Свет окошка тёмно-синий.
Невысокая звезда.
Точит печка, прячет печка
За решёткой клык огня.
Пёс вздыхает у крылечка,

Цепью жалобно звеня.
Как тебя там окружило
Захолустною тоской,
Каково тебе с чужими,
Непривычной, городской?
Там косматые несутся
Тучи в грозной вышине,
Разъяряются, грызутся,
Не дают светить луне.
Там скрипуч, старинной кладки,
Горько жалуется дом.
Ты садишься за тетрадки,
Плечи кутаешь платком,
Лампу, ярый огонёчек
Приглушаешь на столе,
И одна, до самой ночи,
Отражаешься в стекле.
...пряность дымного угара,
Говорок полухмельной,
И хозяйкина гитара
Раздаётся за стеной.
По домам детишки учат
У морозного окна:
«Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна...»
10.

Бормотанья из бурьяна
Травяного Великана,
Ядовитого дурмана заклинания:
«Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана...»
Да угрозы всё, да воспоминания.
Будто каменные острова,
Ходят в небе те слова,
И не ведать бы ночей с разговорами
Как он вышел из тумана,
Что он вынул из кармана,
Как решился – буду резать!
И добавил – буду пить
Под заборами...
Сказки мороком опели,
Розы чайные кипели,
Заплетались языки и травы длинные
Давней ночью, у забора...
А в саду поймали вора,
И пылали по углам кусты малиновые.
Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
А за месяцем луна,

А луна...
Эти ночи за ночами,
Эти плечи за плечами...
Заворочал золотыми очами.
И стоит за ним жена,
А жена его – Луна,
И жена его белей полотна.
Там своё, там непонятно,
Голоса, и стон, и пятна,
– Буду резать...
– Буду бить...
– Всё одно тебе не быть...
– Буду демоном ходить,
Вероятно...
Давней ревности укоры.
Свет в окне, и тень у шторы,
И вода, и пахнет сыростью, бедой...
Отражённое сиянье,
Солнца противостоянье,
И в зелёном небе – месяц молодой!
11.

Вот и всё. Вот и осень. И вроде б
Самый срок отступить в тишину...
Триста ангелов солнце воротят —
Говорили порой в старину.
Год на склоне. Костры-невидимки
Жгут золою осенний покров.
Триста ангелов канули в дымке
Затмевающих дали костров.
Опустело свистящее небо,
Успокоилось поле в стогах,
Океаны тревожного хлеба
Улеглись в золотых берегах.
И несколько б ни жаль в захолустьи,
От души нагрустившись, унять
Поздний жар истлевающей грусти,
Да причины никак не понять.
Не понять что за тихая сила
Протянула сквозным огоньком, —
Паутинкой легко просквозила,
А оставила горечь с дымком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.